Лет сорок тому назад – в советские 70-е годы – мне позвонил Виталий Сырокомский, заместитель главного редактора “Литературной газеты” Александра Чаковского, с неожиданной просьбой, чтобы я срочно перевёл для “Литературки” стихотворение грузинского поэта и председателя Союза писателей Грузии Ираклия Абашидзе, недавно вернувшегося из Китая. Абашидзе, будучи в Китае, присутствовал на торжественном параде китайских войск по площади Тяньаньмэнь, впоследствии ставшей знаменитой тем, что на ней было потоплено в крови шествие китайских студентов, качнувшихся в сторону западной демократии и протестующих против диктаторского правления Китаем режимом Мао Цзэдуна...

Но во время визита Абашидзе в Китай его поразили сверхчеловеческая мощь, целеустремлённость, монолитность китайской армии, созданной по воле вождя из многомиллионного, полунищего китайского крестьянства...

Я прочитал эту небольшую поэму Абашидзе и выразил сомнение Сырокомскому, сказав, что, конечно, наши отношения с Китаем достаточно сложные, но я опасаюсь, что советская цензура не пропустит этого стихотворения на страницы “Литературки”.

Но Сырокомский был воодушевлён: нет, именно такие стихи о Китае нам нужны сегодня. Срочно переводите, мы Вам двойной гонорар заплатим...

Уговорил. Я перевёл стихотворение Абашидзе и стал покупать “Литгазету”, ища глазами свой перевод. Прошла одна неделя, вторая, третья. Стихов всё нет.

Звоню Сырокомскому и слышу его разочарованный, грустный голос:

– Станислав Юрьевич! Вы были правы. Но я сдержал своё слово – приезжайте за гонораром.

Так с той поры стихотворение о пекинском параде осталось в моём архиве ненапечатанным.

Но сейчас, пользуясь тем, что мой друг Юрий Ключников предложил журналу стихи Мао Цзэдуна со своими комментариями, я решил для дополнительного знания о том, что такое Китай, обнародовать мой перевод Ираклия Абашидзе. Хотя и Советского Союза нет, и Грузия живёт сама по себе, и Абашидзе уже забыт в России...

Мао Цзэдун писал стихи, Иосиф Сталин писал стихи, Муаммар Каддафи писал прозу... Но ведь это не случайно. Сейчас у нас другие отношения с Китаем. И Китай другой, и всё же, всё же, всё же... В генетической памяти великих народов ничто не пропадает, ничто не забывается и, так или иначе, исподволь определяет ход мировой истории.

Станислав КУНЯЕВ

Где Вам упомнить всех,
кто встречался с Вами?
Это лишь мы, поэты,
забыть не можем
вождей и кормчих
и потому словами,
памятью нашей живучей
их тревожим...
Где уж меня Вам помнить!
А я не забуду,
как революция
праздновала годовщину,
как миллионные толпы,
подобно чуду
волн океанских,
прокатывались по Пекину...
Средь полководцев
спокойно и величаво
Вы на трибуне стояли —
из первых первейший, —
а рядом с Вами —
Ваш “вернейший” Линь Бяо,
“вернейший” Пынь Чжень
и Лю Шао-ци “вернейший”.
Я,
погружённый в хаос
воззваний Ваших,
глядел на Вас,
окружённого верной свитой,
рядом со мной
стоял один из “дражайших”
и “преданных” Вам —
Лао Шэ,
ещё не убитый.
Столь же “преданный”,
Вашим целям в угоду,
где-то под Вами
шумел океан глухо.
“Тунго!” —
кричал маршал Пынь Дэ народу,
и океан ревел в ответ:
*“Ту-у-унго!!!”**

---

* Китай.

Железным шагом
шагала за ротой рота,
волна за волной
выкатывалась на площадь.
Я слушал,
как, взлетая до небосвода,
слово “Убей! Убей! Убей!”
над толпой рокочет.
Целенаправлены,
вышколены,
едины,
шли, словно винтики, люди,
салютуя кумиру.
Ещё не буйствовали
в стране хунвейбины,
ещё не известен был
остров Даманский
миру.
Плыли орудья.
Глядели послы в бинокли,
как порождает волны
людское лоно.
А волны
несли над собой
“Большой Иероглиф”
и волокли труп
“Большого Дракона”.
Колыхались плакаты
величиной в зданья,
каждый, кто нёс,
как в молитву, в цитату верил,
и вырывалось глухо из недр сознанья:
“Ветер с Востока сильней,
чем Западный Ветер!”
Вдруг раскатилось,
потрясая трибуну:
“Тысячу-у-у ле-е-ет... —
взревела людская стихия, —
Тысячу лет жизни Мао Цзэдуну!!!” —
словно Вы были Рим или Византия.
...Глядя на волны бешеного потока,
что я мог думать?
Что мне тогда казалось?
Может быть,
что не человека — Бога
и Вседержителя зренье моё касалось?
Так неужель это Вы?
Тот же самый?
Прежний?
С кем я делил
радости и желанья,
кто в Цзинганьшани
шёл с Чан Кайши в сраженье,
кто раздувал в Хунани
огонь восстанья?!
Так это Вы,
кто
впитал с колыбели,
как мне казалось,

веру в братское дело?
Так это Вы,
тот же самый ужели,
с кем я готов был
насмерть стоять у Мукдена?!
Так это Вы —
кумир орущего люда,
идол толпы,
плывущей в парах дурмана?!
Я понимаю теперь,
в тот день откуда
я над толпой узрел
тень Чингисхана!
О, мы то знаем,
что богу войны не спится,
мирные дни
для него,
что голодные годы,
любит глядеть он
на бездумные лица,
на марширующие
по земле когорты.
Кто угадает —
в каких недрах и безднах
прячется он,
когда на поверхность выйдет?
Нам не известно...
Но наверняка известно,
что ничего у бога войны не выйдет!
Многое мы позабыли —
на то Ваша воля,
но, словно сон вспоминается:
по Пекину
шли батальоны,
как волны шумного моря,
в день революции,
в десятую годовщину.

1975 год
Перевёл Ст. Куняев